

Оригинальная статья/Original article

УДК 94

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.66-77>**Новый закон о бедных 1834 года: изобретение
викторианского бедняка****В.В. Лежнева¹✉, Л.П. Репина^{1, 2}**¹*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия*²*Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Россия*✉valeriya.r23@gmail.com**Аннотация**

В настоящей статье исследован вопрос о том, как Новый закон о бедных 1834 г. стал инструментом формирования социального образа викторианского бедняка. Рассмотрены причины введения в действие упомянутого закона и факторы, сделавшие возможным его принятие. На основе анализа текста законодательного акта и предшествующего ему отчета Королевской комиссии по делам бедных прослеживается конструирование стигматизирующего образа бедного. Показано, как этот искусственно созданный образ повлиял на социальную политику, проводившуюся в отношении низших классов. Особое внимание уделено влиянию мальтузианства и бентамизма – философских воззрений создателей реформы, а также тем теоретическим положениям, которые идеологически обосновали новую систему. Сделан вывод о том, что созданный образ, призванный дискредитировать бедных, послужил легитимацией для отмены системы социальной помощи и утверждения нового порядка.

Ключевые слова: Новый закон о бедных, бедность, пауперизм, викторианская Англия, низшие классы, образ бедняка, социальная помощь

Для цитирования: Лежнева В.В., Репина Л.П. Новый закон о бедных 1834 года: изобретение викторианского бедняка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 3. С. 66–77. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.66-77>.

The New Poor Law of 1834: The emergence of Victorian poverty**V.V. Lezhneva¹✉, L.P. Repina^{1, 2}**¹*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*²*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*✉valeriya.r23@gmail.com**Abstract**

In this article, the way the New Poor Law of 1834 became a tool for shaping the social image of the Victorian poor is investigated. The reasons for its introduction are unveiled, and the factors that made its adoption possible are outlined. Based on the textual analysis of the legislative act and the preceding Poor Law Commissioners' Report, the emergence and development of a stigmatizing representation of

the Victorian poor is traced. The influence of this deliberately created image on Britain's social policy towards the lower classes is demonstrated. The philosophical doctrines of Malthusianism and Benthamism that were put forward by the architects of the reform are discussed. The theoretical propositions that ideologically justified the new system are identified. It is concluded that the resulting social image, intended to discredit the poor, served as a legitimization for the abolition of the social relief system and the establishment of a new social order.

Keywords: New Poor Law, poverty, pauperism, Victorian England, lower classes, image of poor people, social relief

For citation: Lezhneva V.V., Repina L.P. The New Poor Law of 1834: The emergence of Victorian poverty. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2026, vol. 168, no. 3, pp. 66–77. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.66-77>. (In Russian)

Введение

«Акт о поправках в законодательство о бедных» 1834 г. является одним из важнейших и самых противоречивых документов в истории социальной политики Великобритании XIX в. Его положения сформировали способ понимания бедности, господствовавший в королевстве почти 70 лет. Закон установил и систему помощи нуждающимся, ставшую настоящим испытанием для всех нищих и обездоленных страны. Последствия его реализации привели к колоссальным сдвигам в социальной политике Великобритании. С другой стороны, этот акт можно считать лишь вехой на пути развития системы вспомоществования бедным, берущей свое начало еще в середине XIV в. (хотя некоторые исследователи находят следы ее существования еще с англосаксонского периода) и активно складывающейся в Англии Нового времени. Однако никакой другой документ не становился темой настолько жарких дискуссий и споров: одни восхваляли победу здравого смысла, другие порицали торжество идеологии над реальностью [1]. Важно, что этот законодательный акт, получивший в историографии название «Новый закон о бедных», будучи синтезом всей существовавшей английской системы законодательства о бедных и совершенно новых постулатов, основывавшихся на теории народонаселения и классической политической экономии [2, р. 130], оказал большое влияние на викторианское общество.

Результаты и обсуждение

1832 г. во многом можно считать поворотным для английской истории. Прежде всего это год принятия «Акта о великой реформе», который увеличил количество избирателей в 1.5 раза и впервые позволил представителям класса промышленников принять участие в голосовании. Избирательная реформа создала прецедент, благодаря которому стало понятно, что казавшиеся незыблемыми английские законы могут быть успешно реформированы в соответствии с социально-экономическими реалиями времени [3, с. 68], а также сделала возможным избрание более демократического правительства, которое было готово к осуществлению изменений. Такое положение вещей привело к тому, что именно 1832 г. стал годом начала работы Королевской комиссии по делам бедных.

Еще в начале XIX в., в период роста количества городов и населения, пауперизм начал неоднозначно рассматриваться обществом и налогоплательщиками [4, с. 91]. В частности, об этом говорит тот факт, что в 1817 г. Уильям Стерджес-Бурн представил в Парламент отчет

(он послужил основой принятия в 1819 г. документа, носившего название «Акт Стердже-са-Бурна», по которому для контроля за помощью бедным создавались специальные комитеты, а для Надзирателей вводилась оплата¹), где предупредил об опасности, в которой находится страна из-за «болезни пауперизмом»² (Мск., с. 22). Однако тогда члены Парламента не были готовы к проведению масштабной реформы, им потребовалось еще 17 лет, чтобы собрать достаточно оснований и провести необходимые, по их мнению, преобразования.

В 30-е годы XIX в. сложились наиболее благоприятные обстоятельства для принятия реформы законодательства о бедных: во-первых, уже упомянутая демократизация власти, во-вторых, тот факт, что новое правительство не было просто собранием делегатов – оно было глубоко пропитано идеями философских радикалов (Мск., с. 23). Несомненно, все вышеперечисленное привело к тотальному изменению представлений о бедности. Если еще в конце XVIII в. бедность понималась как нормальное и непоправимое состояние населения, только благодаря которому оно могло познать такую добродетель, как труд, то к 1832 г. всеобъемлющее понятие «трудящиеся бедняки» заменяется новой концепцией, где организующими принципами стали идеи «зависимости» и «независимости» [1].

Новое понимание бедности строилось главным образом на теориях таких философов, как Томас Мальтус и Иеремия Бентам. «Теория народонаселения» Т. Мальтуса базировалась на идеях Адама Смита и Джеймса Милля. Согласно этой теории, во всех живых существах есть постоянное стремление к размножению, и если рост населения не сдерживается какими-либо препятствиями, то оно увеличивается в геометрической прогрессии, удваиваясь каждые 25 лет. Единственным ограничением воспроизводительной способности является недостаток пропитания, так как при наиболее благоприятных условиях средства существования никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии. Увеличение населения естественным образом приводит к обнищанию вследствие необходимости разделения меньшего количества пропитания на большее количество людей. Государственная помощь, реализованная через законы о бедных, ведет к тому, что у представителей бедных классов появляются дополнительные средства существования, а потому возрастает стремление к размножению и воспроизводству таких же бедных. Кроме этого, увеличивается их зависимость от приходской помощи, что, согласно Т. Мальтусу, приводит к неравномерному распределению пропитания, отнимая его у честно трудящихся и отдавая менее полезным членам общества. Дополнив сформулированную мысль идеей о том, что бедные сами виноваты в своем положении – ведь благосостояние напрямую зависит от количества труда, он приходит к выводу, что лучшим средством для его поднятия является отмена законов о бедных.

Не последнюю роль в создании новой трактовки бедности сыграли идеи И. Бентама. Последователи этого философа, бентамиты, занимали ведущие должности в государстве, а один из самых главных его приверженцев, Эдвин Чедвик, непосредственно привнес идеи И. Бентама в положения нового закона. Принцип утилитаризма и идеи паноптикона явно прослеживаются как в элементах применения закона, так и в созданной им административной системе. И. Бентам всегда считал свой принцип величайшего счастья наиболее общим, применимым ко всем ситуациям. Этот принцип заключается в идее, что человек всегда действует согласно своим интересам. Главным критерием эффективности принципа было влияние на человеческое счастье. Общественные интересы, таким образом, – это совокуп-

¹ Warren M.D. A Chronology of State Medicine, Public Health, Welfare and Related Services in Britain 1066–1999. London: Fac. Public Health Med. R. Coll. Physicians U. K., 2000. 313 p.

² Перевод в цитатах здесь и далее наш. – В. Л., Л. Р.

ность интересов индивидуальных. Такая трактовка идей И. Бентама позволяет сопоставить их с принципом *laissez-faire*, который активно использовался для подтверждения мысли о том, что бедные должны заботиться о себе самостоятельно. Однако, хотя бентамиты и верили, что люди действуют в соответствии с тем, что считают своими интересами, они не думали, что их действия всегда приводят к величайшему счастью большинства, а потому в некоторых случаях необходимо вмешательство государства. Таким образом, на основе концепции И. Бентама одновременно расширялся как режим невмешательства, так и режим вмешательства государства [5, р. 46–48]. Принцип величайшего счастья был воспринят через идею о том, что бедные должны страдать ради остальной части общества. Считалось, что будет полезно сделать помощь бедным «болезненной», поскольку это поспособствует их самообеспечению, что в долгосрочной перспективе увеличит удовольствие как бедных слоев населения, так и всех остальных³.

Идеи устройства паноптикона (учреждения, администрирующегося одним надзирателем) в теории должны были воплотиться в проекте по строительству рабочих домов. Мысль И. Бентама заключалась в том, что своеобразная цилиндрическая форма здания физически позволяет одному надзирателю наблюдать за всеми обитателями учреждения, это создает чувство постоянного контроля и таким образом воспитывает людей. Реальность оказалась такова, что в связи с экономическими проблемами постройка новых учреждений была затруднительна, потому было решено использовать старые постройки с новой системой управления. По указанной причине осуществления задумки И. Бентама добиться было невозможно, так что принятая система управления позволила сэкономить на персонале путем назначения только одного администратора – Надзирателя рабочего дома. Викторианское административное государство оказалось в сумбурном и бессвязном состоянии, и, по всей вероятности, сам И. Бентам, ценивший логику и эффективность, решительно отказался бы от своего авторства [6, р. 210].

Вышеизложенные философские концепции в положениях Закона о бедных 1834 г. отразились в следующих постулатах:

- 1) общественная помощь нуждающимся за счет средств налогообложения лишала жизни ее получателей, ухудшала их характер и в общем порождала в них плохое поведение;
- 2) действие мальтузианского закона народонаселения совместно с теорией заработной платы сделало все меры помощи не только бесполезными для уменьшения страданий бедных, но даже вредными из-за появления более широкого круга нуждающихся;
- 3) национальному правительству крайне важно направлять и контролировать действия местных властей, чтобы установить политику «наибольшего блага для наибольшего числа людей» (Hist., с. 7).

Неудивительно, что приверженность сформулированным философским постулатам привела к образованию теории, объясняющей бедность, которая слабо отражала реальное положение вещей. Более того, излюбленной темой И. Бентама, старшего Милля и Э. Чедвика – мыслителей, сильно повлиявших на понимание бедности, – было обсуждение «глупости практического человека, который отказывается смотреть на теоретические аспекты предмета». Они настаивали, что к общественным делам следует применять правильную теорию (Мск., с. 41). Однако такие идеи в обществе разделяли не все, а потому для осуществления реформы было необходимо практическое доказательство ее необходимости. Как выразился английский либерал Томас Маккей, теоретические взгляды мыслителей «во многих пунктах

³ Jones K. The Making of Social Policy in Britain, 1830–1990. London: Athlone Press, 1994. P. 11.

нуждались в помощи практического человека с куском мела в кармане», для чего были привлечены эксперты-свидетели (Мск., с. 46). Последнее послужило причиной создания Королевской комиссии, которая получила указание «провести тщательное и полное изучение практического действия законов о помощи бедным в Англии и Уэльсе, а также того, как эти законы применяются; и доложить, могут ли быть с пользой внесены какие-либо изменения, поправки или улучшения в указанные законы или в способ их применения и как это лучше всего осуществить» (Nick., с. 237).

Несомненно, основанием для внесения поправок в законы о бедных послужили не только философские воззрения государственных деятелей и вытекающее из них изменившееся понимание бедности. Существовали и другие, более объективные причины, происходившие из несовершенств старой системы помощи нуждающимся. Во-первых, это административная неэффективность системы. Призрение бедных являлось прерогативой отдельных приходов, которые самостоятельно решали вопросы помощи бедным. Смотрители выполняли свои функции на добровольной основе, что вызывало большое количество управленческих проблем. Во-вторых, это промышленная революция и развитие городов, что привело к стремительному росту населения в них и, соответственно, к возрастанию количества бедных, требующих социальной опеки, по причине того, что в города стремились люди, имевшие сложности с трудоустройством [7, с. 8]. Проблемой также стало то, что развитие городов привело к поглощению ими более образованных классов, а забота о бедных легла на плечи сельских фермеров и торговцев, и это вызвало кризис законов о бедных [8, с. 143]. В-третьих, это неэффективность контроля со стороны государственной власти. Не существовало централизованного управления в вопросах заботы о бедных, это приводило к различного рода перегибам и махинациям. Часть государственных законов носила разрешительный, а не обязательный характер, что обуславливало неравномерность их исполнения. Наконец, четвертой причиной был рост затрат на обеспечение социальной помощи [9, р. 7–9]. К 1834 г. затраты на помощь бедным достигли 7 млн фунтов стерлингов [10, с. 72]. Правительству было необходимо направить усилия на уменьшение растрат. Последняя причина, вероятно, стала основополагающей при принятии вердикта о реформировании закона. Важно, что необходимость решения вышеизложенных проблем легитимизировала начало официального расследования, которое в дальнейшем не только подтвердило наличие пороков старой системы, но и представило реальность таким образом, что жестокие меры по борьбе с бедностью показались членам Парламента единственно верными.

Практическое обоснование необходимости реформы системы законов о бедных в соответствии с определенными философскими воззрениями можно было получить только одним способом – дискредитацией бедных. Считалось, что они от природы коварны и нечестны, и новый закон должен учитывать такую имплицитную характеристику [11, р. 160–161]. Для этой цели было необходимо создать образ, способный изменить представления о бедности в глазах всего общества, что и предстояло осуществить членам Королевской комиссии. Проведенное расследование стало самым крупным и наиболее детальным социологическим исследованием того времени. Его успех привел к увеличению популярности жанра социальных исследований, так что вторая четверть XIX в. получила название «эпоха комиссий», или «эпоха Синих книг» [12, р. 6]. Члены Комиссии посетили около одной пятой английских и уэльских поселений, а также дополнительно разослали опросные листы, которые заполнило около десяти процентов приходов [13, р. 29]. Подготовленный ими отчет всячески подчеркивал пороки, присущие бедным. Его текст не содержит ни одного положительного качества представителей той части населения, которая рассчитывала на приходскую помощь.

По мнению членов Комиссии, преступный образ жизни априори соответствует пауперу. Указывалось, что в местах, где работало много трудоспособных мужчин, «все жаловались на мелкие кражи, мародерство, браконьерство и т. д. как на закономерные последствия» (Rep., p. 39–40). Сконструированный образ одновременно воплощал и оправдывал представления среднего класса о скрытой беспомощности и аморальности работников, занимающихся физическим трудом [11, p. 147] за счет использования следующих фраз: «Среди этого класса самые расточительные и беспутные» (Rep., p. 25), «эти люди были описаны как безрассудные», «говорили, что они ведут почти беспорядочный образ жизни» (Rep., p. 27), «их также называли самыми никчемными персонажами в городе» (Rep., p. 38).

Члены Комиссии негативно относились к мнению пауперов о том, что они «имеют право на долю из „фондов для бедных“» (Rep., p. 50), «оценивают приходскую поддержку как привилегию и требуют ее как свое право» (Rep., p. 87). В отчете приводится фраза одного бедняка: «Почему мы должны довольствоваться половиной буханки, когда можем получить целую?» (Rep., p. 45). Эта фраза характеризует пауперов как ненасытных и неблагодарных. Нассау Сениор, один из создателей Нового закона о бедных, был шокирован, узнав, что, согласно представлениям рабочих, они должны получать прожиточный минимум, а заработная плата – их законное право. Надлежащая заработная плата, по мнению Н. Сениора, зависела от того, сколько был готов платить работодатель, а не от желаний или ожиданий работника⁴. Можно сделать вывод, что отчет вызвал аналогичную реакцию и у других представителей имущих классов.

Еще с XVI в. в Англии большое значение имели категории «заслуживающих» и «не заслуживающих» помощи нищих, безделье считалось наихудшим грехом [14, p. 92]. В свете обозначенного факта неудивительно, что для дискредитации бедных члены Комиссии всячески подчеркивали их лень и нежелание трудиться: «паупера трудно заставить честно делать свою работу» (Rep., p. 33), «они занимаются чем угодно, кроме работы» (Rep., p. 39), бедный «спит больше, чем работает» (Rep., p. 37–38). В тексте отчета приводятся слова паупера: «Почему я должен подвергать себя усталости и риску, когда приход содержит мою семью и платит мою ренту?» (Rep., p. 70). Вырисовывается картина, согласно которой у такого человека в принципе не было стимула искать работу, так как существует приходская помощь. Эту мысль используют авторы Нового закона в качестве одного из аргументов, чтобы полностью отменить помощь вне рабочего дома.

Еще одним пороком, который часто упоминается в тексте отчета и который и в дальнейшем часто будет использоваться для дискредитации бедных, является их склонность к пьянству: «деньги, которые, как предполагается, должны тратиться на одежду или дополнительные расходы, в реальности часто идут в пивной магазин» (Rep., p. 33), «если они когда-либо получают небольшую прибавку, они тратят ее на выпивку» (Rep., p. 25), очень часто пауперы «бродят по улицам, иногда в состоянии алкогольного опьянения... и грубо настаивают на получении большей помощи» (Rep., p. 53). Описание подобных случаев позволяет членам Комиссии сделать вывод, что «больше денег приводит только к большему пьянству» (Rep., p. 90).

Конечно же, отчет не может обойтись без указания на антисанитарные условия, в которых живут бедные. Однако причину этого члены Комиссии находят не в отсутствии средств для улучшения бытовых условий и необходимости постоянно и изнурительно работать, чтобы прокормить семью, а в том, что «те, кто зависит от приходской помощи или благотвори-

⁴ Jones K. The Making of Social Policy in Britain, 1830–1990. London: Athlone Press, 1994. P. 8.

рительности, грязны и ленивы в своих привычках» (Rep., p. 89–90). Бедные сравниваются с рабочими, которые чистоплотны, потому что привыкли трудиться. Явно подчеркивается, что образ жизни бедных определяется не скудными средствами существования, а их характером. Эта проблема подробнее будет рассмотрена в 40-х годах XIX в., когда Э. Чедвик, озаботившись проблемами здравоохранения, представит Парламенту «Отчет о санитарных условиях жизни промышленных рабочих» (1842 г.) и лоббирует принятие «Закона об общественном здоровье» (1848 г.). Тем самым Э. Чедвик создаст «культуру бедности» – не столько для самих бедных (хотя был и такой эффект), сколько для читателей из среднего класса [15, p. 407]. Однако работа в этом направлении была начата уже Королевской комиссией по делам бедных. В отчете указывается, что «пример получения такой помощи заразителен» (Rep., p. 18–19), а также приводится занимательный случай, когда порядочная с виду женщина пришла за помощью, потому что получавшие ее соседи сказали, что «она недостойна жить с ними в одном месте до тех пор, пока не получит помощь» (Rep., p. 45). Все вышеперечисленное должно было легитимировать идею о том, что денежных выплат нужно лишить всех без исключения для того, чтобы не создавалось отдельной «культуры» получения приходской помощи.

Образ бедных, созданный отчетом, был однозначен. Пауперы – ленивые, аморальные пьяницы, воплощавшие в себе все существующие пороки, и только отказ от государственной помощи и приобщение к труду может их спасти. Известный экономист Марк Блауг, анализируя текст этого отчета, отметил, что там, «где они [члены Комиссии] не игнорировали выводы, они искажали их в соответствии со своими предвзятыми мнениями» [16, p. 52]. Отчет был написан так, чтобы правительству не оставалось ничего, кроме как принять его подробные предложения. Выводы Комиссии были настолько прозрачны, что не требовалось большой проницательности, чтобы увидеть недостатки существующей системы и необходимость в ограничении возможностей для выдачи денежных пособий (Msk., c. 41–42).

Принятый на основе отчета Королевской комиссии «Закон о поправках в законодательство о бедных» (1834 г.) строился на трех основаниях: 1) принцип национального единообразия; 2) принцип меньшей приемлемости; 3) система работных домов (Pol., c. 11). Согласно этим принципам, новая система исходила из того, что все бедные независимо от своего положения должны были получать одинаковую помощь, однако предоставляемые условия должны быть менее приемлемы для получателя, чем если бы он не обращался за помощью. Для соблюдения этих двух принципов вводилась система работных домов. Они являлись довольно сложными учреждениями, так как были предназначены для размещения всех типов бедняков. Их целью было отпугивать праздных, наказывать аморальных, реформировать поддающихся исправлению и заботиться о физически неспособных [17, p. 124].

Перечень вопросов, которые затрагивал Новый закон о бедных, был довольно обширен. Контроль за исполнением закона и разработка правил для управления бедными ложился на плечи специальных Уполномоченных. Они не только следили за исполнением всех положений Закона, но и контролировали деятельность Опекунов, прихожан и приходских служащих. Однако им было запрещено «вмешиваться в любое индивидуальное дело с целью оказания помощи» (Act, sec. 15), другими словами, они не могли оказывать помощь отдельным лицам и отвечали только за весь приход сразу.

В каждом приходе требовалось построить хотя бы один работный дом и нанять людей для его функционирования. Найти финансирование для исполнения этого предписания должны были тем способом, который «члены комиссии считают наиболее подходящим для

приведения в исполнение положений этого Закона» (Act, sec. 23). Такая мера одновременно ужесточала контроль над нищими со стороны правительства и принуждала приходы самостоятельно решать вопрос о призрении бедных.

Приходы могли быть объединены, тогда они получали название Союза, и нуждающийся мог попасть в любой работный дом такого Союза вне зависимости от места его рождения. Однако каждый приход должен был «отдельно нести ответственность за содержание собственных бедных» (Act, sec. 26). Вместе с тем приходы могли объединяться между собой, чтобы считаться одним (Act, sec. 33-34) – тогда расходы на содержание бедных «составляют часть общих расходов и выплачиваются из фондов этого объединения» (Act, sec. 33). Подобная мера помогала маленьким приходам справляться с предписаниями Нового закона.

Старики и полностью нетрудоспособные лица по решению суда «имеют право законно получить помощь в Союзе, если желают получить ее вне работного дома» (Act, sec. 27). Этот пункт говорит о неполной отмене системы помощи вне работного дома. Закон предусматривал категории нищих, которые могли получать даже денежную помощь, ведь его ограничивающие положения были направлены на трудоспособное население.

Запрещалась любая помощь трудоспособным лицам, находившимся вне работных домов [13, p. 71]. Как указано в Законе, такая помощь «оказывается в формах, приводящих ко Злу» (Act, sec. 52), а поэтому объявляется незаконной. В случае же «внезапной и острой необходимости ... он [Уполномоченный по делам бедных] обязан предоставить такую временную помощь, какая требуется в каждом отдельном случае, предметами крайней необходимости, но не деньгами» (Act, sec. 54). С помощью этого ограничения правительство оставляло пауперам всего два способа законно справиться с бедностью: пойти в работный дом или зарабатывать своим собственным трудом. Таким способом предполагалось сократить сумму на содержание неимущих слоев населения, что, в свою очередь, снизило бы налоговое бремя, возложенное на жителей прихода.

По достижении двадцати одного года бедняк при необходимости мог получить помощь от государства, «которая должна быть рассмотрена в качестве займа» (Act, sec. 58). Если человек получал заработную плату, то платеж автоматически погашался из нее, чтобы оплачивать заем только частью заработной платы или каким-либо другим способом, необходимо было обосновать причину. Такие займы являлись хорошей помощью бедным, однако способ погашения также говорит о том, что государство не позволяло оказывать безвозмездную помощь.

Интересно отметить, что «никакие правила... не обязывают ни одного обитателя любого работного дома посещать какую-либо религиозную службу, которая может проводиться способом, противоречащим религиозным принципам такого обитателя» (Act, sec. 19), то есть в работных домах вводилась свобода вероисповедания. Также там запрещалось употребление алкоголя, а Надзиратели не должны были допускать жестокое обращение с бедными. Это еще раз доказывает, что главной целью Нового закона о бедных была попытка превратить эту категорию населения в достойных членов общества, которые своим честным трудом зарабатывают себе на пропитание, хотя, конечно, на практике теоретические основы применения Закона о бедных так и не были реализованы [1].

Таким образом, принятие Нового закона о бедных 1834 г. позволило пересмотреть существовавшую систему заботы о пауперах и учредило Центральную комиссию по делам бедных, которая контролировала осуществление закона, увеличило количество работных домов в стране, уменьшило количество людей, которые могли получать пособие по бедности. При этом сохранялась практика оказания помощи вне работного дома, что во многом, показывало слабость центральной власти [16, p. 64].

Административная система, установленная «Актом о поправках в законодательство о бедных», была в значительной степени «изобретением» Э. Чедвика, более или менее сознательно заимствованным из учения И. Бентама, в то время как «литературная» составляющая отчета, разоблачения и вердикт которого произвели глубокое впечатление на общественное мнение, принадлежит Н. Сениору (Мск., с. 56). И хотя Закону 1834 г. не удалось решить все существовавшие проблемы, на основе представленных выше документов было создано понимание феномена бедности, которое оставалось актуальным на протяжении всего XIX в.

Материалы, собранные в поддержку принятия обсуждаемого Закона, были опубликованы и распространены по всей стране. Содержавшаяся в них информация произвела впечатление на общественное мнение, поскольку она была замечательным образом отобрана и упорядочена для достижения целей, поставленных членами Комиссии (Nick., с. 238). Исследователи феномена бедности начала XIX в. тщательно выстраивали свои теоретические аргументы так, чтобы их было нелегко опровергнуть с эмпирических позиций [15, р. 55]. Комиссия усилила тревогу общественности, собрав массу доказательств, чтобы показать неминуемую гибель страны, а также художественно обработав часть материала таким образом, чтобы исключить любые альтернативные решения обозначенной проблемы, кроме установления центрального контроля (Мск., с. 24), благодаря чему была искусственно создана категория пауперизма (Мск., с. 18).

Заключение

Ряд исследователей отмечает, что «Акт о внесении поправок в законодательство о бедных» 1834 г. можно считать самым важным из когда-либо принятых социальных законов. Он оказывал влияние на множество сфер социальной жизни английского населения, формировал отношения между бедными и богатыми, а политическая система подпитывалась противоречиями, которые его окружали [1]. Действительно, упомянутый документ затрагивал почти все аспекты жизни бедного человека и в определенном смысле кардинально изменил положение низших классов в обществе. Этот Закон регулировал и все последующие законодательные акты в отношении бедных. Он стал кульминацией в развитии системы законодательства о бедных – одновременно триумфом системы и началом ее конца. Однако Закон оказал влияние не только на жизнь низших классов – положения, установленные в 1834 г., привели ко всем последующим преобразованиям, так как многие другие социальные законы были продиктованы необходимостью бороться с бедностью (например, законы о здравоохранении, об образовании, о жилищах и др.).

Исследуя отчет Э. Чедвика «О санитарном состоянии городов», Джозеф Чайлдерс отмечает, что социальный реформатор и его помощники, используя прием метонимии, фокусируют внимание на артефактах бедности: одежде, жилищах, мастерских и т. д., даже люди – объекты, часть целой картины жизни бедных. Подобное создает определенные условности репрезентации, которые устанавливают рамки того, как будут восприниматься бедные. Такие правила интерпретации вынуждают средние классы принять существование культурно отличной «второй нации», которая противоречит моральным смыслам и ценностям общества, что приводит к отчуждению низших классов и установлению над ними власти высших. В конечном счете появляется «литературный» бедняк: то есть бедняк, который существовал в симулякре и, как итог, стал способом понимания «реальности» бедности представителями среднего и высшего классов [15, р. 406–426]. Все вышеуказанное может быть применено и к анализу отчета Королевской комиссии 1832–1834 гг. Нарратив этого текста строится по таким же правилам: фокус на отдельных аспектах жизни бедных,

заранее разработанные и вписанные в текст способы понимания бедности, выделение бедных в отдельную «культуру» и ее принижение. Таким образом, были созданы определенные моральные установки, распространившиеся как среди представителей среднего класса, на который они были направлены, так и у низшего класса. Само признание себя бедным было принятием порицаемого обществом и идеологией культурного образа [18, с. 21]. Расследование на местах, проводившееся с помощью Комиссии, было в то время чем-то новаторским (Мск., с. 25), потому совершенно справедливо будет указать, что отчет Королевской комиссии по делам бедных положил начало новому способу конструирования необходимого нарратива. Анализируемый текст создал однозначный образ бедняка, который в 40-х годах XIX в. (в работах таких мыслителей, как Э. Чедвик или Б. Дизраэли, возможно не до конца понимавших, что происходит со страной и какие это может иметь последствия⁵) стал устойчивым в картине мира викторианского общества.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Mck. – *Mackay T.* History of the English Poor Law. London: P.S. King & Son, Westminster: Orchard House, 1904. 650 p.
- Hist. – *Webb S., Webb B.* English Poor Law History. V. II The Last Hundred Years. London: Private subscription ed., 1929. 616 p.
- Nich. – *Nicholls G.A.* History of the English Poor Law, in Connection with the Legislation and Other Circumstances Affecting the Condition of the People. V. 2. London: Murray, 1854. 467 p.
- Rep. – Poor Law Commissioners' Report of 1834. London: Darling & Son, Ltd, 1905. 378 p.
- Pol. – *Webb B.* English Poor Law Policy. London: Longmans, Green & Co., 1910. 379 p.
- Act – Poor Law Amendment Act. 1834. URL: <https://education-uk.org/documents/acts/1834-poor-law-amendment-act.html>, свободный.

Литература

1. *Englander D.* Poverty and Poor Law Reform in 19th Century Britain, 1834–1914: From Chadwick to Booth. Ser.: Seminar Studies in History. London, New York, NY: Routledge, 1998. 152 p. <https://doi.org/10.4324/9781315840550>.
2. *Brundage A.* The English Poor Laws, 1700–1930. Ser.: Social History in Perspective. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2001. vii, 185 p.
3. Бунькова Ю.В., Тамазов М.С., Аттмеева Л.З. Парламентская реформа 1832 года в Великобритании: начало полномасштабной модернизации государственного строя // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 14. С. 64–69.
4. Скларова Е.К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманит. и юрид. исследования. 2019. № 2. С. 90–97. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-90-97>.
5. *Hart J.* Nineteenth-century social reform: A Tory interpretation of history // Past & Present. 1965. No 31. P. 39–61.
6. *Roberts D.* Jeremy Bentham and the Victorian administrative state // Victorian Studies. 1959. V. 2, No 3. P. 193–210.
7. Андрианова В.Я., Рокина Г.В. «Плохая Англия» – обратная сторона викторианского общества второй половины XIX века // Вестн. МарГУ. Сер. «Ист. науки. Юрид. науки». 2017. № 3 (11). С. 5–16.
8. *Mandler P.* The making of the new poor law *redivivus* // Past & Present. 1987. No 117. P. 131–157.

⁵ *Cannadine D.* Victorious Century: The United Kingdom, 1800–2000. London: Penguin books, Allen Lane, 2017. P. 207.

9. Сорока С.В. Новый закон о бедных 1834 года как основа современной системы местного управления Великобритании // Центральноевропейские политические исследования. 2017. № 2. С. 5–20. <https://doi.org/20.10.14746/ssp.2017.2.1>.
10. Подольский В.А. Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 3. С. 67–84. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84>.
11. Johnson P. Class Law in Victorian England // Past & Present. 1993. No 141. P. 147–169.
12. Bastos D.S. Eradicating the germs of pauperism: The political economy of the British sanitary movement in the 1830s and 1840s // História, Ciências, Saúde – Manguinhos. 2024. V. 31. Art. e2024063. <https://doi.org/10.1590/S0104-59702024000100063en>.
13. Carter P., Whistance N. The Poor Law Commission: A new digital resource for nineteenth-century domestic historians // History Workshop Journal. 2011. V. 71, No 1. P. 29–48. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbq052>.
14. Davis S.P. The concept of poverty in the Encyclopedia Britannica from 1810 to 1975 // Labor History. 1979. V. 21, No 1. P. 91–101. <https://doi.org/10.1080/00236567908584566>.
15. Childers J.W. Observation and representation: Mr. Chadwick writes the poor // Victorian Studies. 1994. V. 37, No 3. P. 405–432.
16. Williams K. From Pauperism to Poverty. Ser.: Routledge Library Editions: The History of Social Welfare. London: Routledge, 1981. 397 p. <https://doi.org/10.4324/9781315518619>.
17. Newman C. To punish or protect: The New Poor Law and the English workhouse // International Journal of Historical Archaeology. 2014. V. 18, No 1. P. 122–145. <https://doi.org/10.1007/s10761-013-0249-7>.
18. Репина Л.П., Шабунина А.К. Трансдисциплинарность в изучении социокультурных практик повседневности (на примере феномена голода в Викторианской Англии) // Уральский исторический вестн. 2022. № 3 (76). С. 34–44. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-34-44](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-34-44).

References

1. Englander D. *Poverty and Poor Law Reform in 19th Century Britain, 1834–1914: From Chadwick to Booth*. Ser.: Seminar Studies in History. London, New York, NY, Routledge, 1998. 152 p. <https://doi.org/10.4324/9781315840550>.
2. Brundage A. *The English Poor Laws, 1700–1930*. Ser.: Social History in Perspective. Basingstoke, Palgrave Macmillan. vii, 185 p.
3. Bun'kova Yu.V., Tamazov M.S., Attoeva L.Z. The Reform Act of 1832: The beginning of large-scale political modernization in Britain. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, 2014, no. 14, pp. 64–69. (In Russian)
4. Sklyarova E.K. Pauperism in the rise of social policy in Great Britain. *Humanities and Law Research*, 2019, no. 2, pp. 90–97. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-90-97>. (In Russian)
5. Hart J. Nineteenth-century social reform: A Tory interpretation of history. *Past & Present*, 1965, no. 31, pp. 39–61.
6. Roberts D. Jeremy Bentham and the Victorian administrative state. *Victorian Studies*, 1959, vol. 2, no. 3, pp. 193–210.
7. Andrianova V.Ya., Rokina G.V. “Bad England” – the dark side of Victorian society in the second half of the 19th century. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*, 2017, no. 3 (11), pp. 5–16. (In Russian)
8. Mandler P. The making of the new poor law *redivivus*. *Past & Present*, 1987, no. 117, pp. 131–157.
9. Soroka S.V. The New Poor Law of 1834 as the foundation of the modern local government system of Great Britain. *Central European Political Studies*, 2017, no. 2, pp. 5–20. <https://doi.org/20.10.14746/ssp.2017.2.1>. (In Russian)
10. Podolskiy V.A. The historical background of the welfare state in Great Britain in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 67–84. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-67-84>. (In Russian)

11. Johnson P. Class law in Victorian England. *Past & Present*, 1993, no. 141, pp. 147–169.
12. Bastos D.S. Eradicating the germs of pauperism: The political economy of the British sanitary movement in the 1830s and 1840s. *História, Ciências, Saúde – Manguinhos*, 2024, vol. 31, art. e2024063. <https://doi.org/10.1590/s0104-59702024000100063en>.
13. Carter P., Whistance N. The Poor Law Commission: A new digital resource for nineteenth-century domestic historians. *History Workshop Journal*, 2011, vol. 71, no. 1, pp. 29–48. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbq052>.
14. Davis S.P. The concept of poverty in the Encyclopedia Britannica from 1810 to 1975. *Labor History*, 1979, vol. 21, no. 1, pp. 31–101. <https://doi.org/10.1080/00236567908584566>.
15. Childers J.W. Observation and representation: Mr. Chadwick writes the poor. *Victorian Studies*, 1994, vol. 37, no. 3, pp. 405–432.
16. Williams K. *From Pauperism to Poverty*. Ser.: Routledge Library Editions: The History of Social Welfare. London, Routledge, 1981. 397 p. <https://doi.org/10.4324/9781315518619>.
17. Newman C. To punish or protect: The New Poor Law and the English workhouse. *International Journal of Historical Archaeology*, 2014, vol. 18, no. 1, pp. 122–145. <https://doi.org/10.1007/s10761-013-0249-7>.
18. Repina L.P., Shabunina A.K. Transdisciplinarity in the study of sociocultural practices of everyday life (on the example of the phenomenon of famine in Victorian England). *Ural Historical Journal*, 2022, no. 3 (76), pp. 34–44. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-34-44](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-34-44). (In Russian)

Информация об авторах

Валерия Васильевна Лежнева, магистрант кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: valeriya.r23@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0171-7672>

Лорина Петровна Репина, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук; профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>

Author Information

Valeriya V. Lezhneva, Master's Student, Department of Theory and History of Humanities, Russian State University for the Humanities

E-mail: valeriya.r23@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0171-7672>

Lorina P. Repina, Dr. Sci. (History), Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Full Professor, Department of Theory and History of Humanities, Russian State University for the Humanities

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>

Поступила в редакцию 28.04.2026

Поступила после рецензирования 14.05.2026

Принята к публикации 14.05.2026

Received April 28, 2026

Revised May 14, 2026

Accepted May 14, 2026